

МОЛИТВА

Ну сделай, Господи, для меня
Так, чтобы попросту были живы,
Среди вранья и среди огня,
Все — и любимые, и чужие.

И тот, кто пялится сквозь прицел,
И тот, кто молится о заблудших.
Прости, я лишнего захотел,
Когда земля забирает лучших,
Когда от ярости ножевой
Как будто иглы растут

сквозь кожу,

Когда срывается ветра вой...
И всё же ты постарайся, Боже!
Не жду от жизни иных даров
И не имею такого права.

Глаза открою — закат багров.
Глаза закрою — вода кровава.

***

Ну, вот и всё, погас и облетел
Осенний день,
привычно суматошный.
Небесный волк,
пока что злой и тощий,
Грызёт луну, и нет важнее дел.

Ещё вчера я пялился в тоске
На жёлтый блин,
повисший над забором,
И город надрывался
птичьим ором,
И билась жила на моём виске.
На лике убывающей луны
Уже видны следы
слепого мрака...
Но тише, тише, спит моя собака!
Луна, и волк, и я — всё это сны.

ВИТЬКА

Кричал он мне:
«А ну-ка, выдь-ка!» —
И я тащился налегке...
Учил меня соседский Витька
Свинчатку прятать в кулаке
И бить с оттягом,
прямо в поддых,
Потом с размаху, да в скулу...
Я от приёмов этих подлых
Как вспомню —
до сих пор скулю!
Я так не мог. Стирая юшку,
Я клял дружка в звезду и мать...
Но город — яростный и южный —
Меня уже не мог сломать.
Мой друг царил,
лихой и строгий,
Пока — шпана, пока — не вор.
И Вовка, инвалид безногий,
Пел под гармошку для него.

Витька зарезали на рынке —
Там, где дышала анаша,
Где всё решали по старинке,
По праву силы и ножа.
Стать во дворе старшим отныне
Мне было выдано бедой.
Лежал он в серой домовине,
Растерянный и молодой.

Всё чаще сон меня уводит
В тот старый двор,
в тот мир и дом,
Туда, где фронтовик Володя
Гонял босоту костылём.

РОВЕСНИКУ

Мой отец, корректировщик
миномётного огня,
Спит — кричит, встаёт — не
ропщет, только смотрит на меня.
А когда глаза закроет —
то в атаку прёт, как все,
То опять окопчик роет
на нейтральной полосе.
То ползёт и провод тащит,
то хрипит на рубеже...
Папа, ты меня не старше,
мы ровесники уже.
Слёзы обжигают веки,
эту боль в себе ношу.
Ты остался в прошлом веке,
я всё дальше ухожу.
Отчего ж не рвётся между
наша общая судьба,
Это я огонь крошечный
вызываю на себя,
Это я с последней ротой,
с командиром на спине,
И в Синявинских болотах
сердце выстудило — мне.
Голос твой — не громче ветра...
Не расслышу, не пойму...
Почему же я всё это
раньше не сказал ему.

СЕМЕЙНОЕ

В еврейском скудном городке,
Где проходила налегке
Белогвардейская пехота,

Где отдыхали от похода
 Красноармейские полки,
 Где вдаль смотрел из-под руки
 Махно с подгнившего балкона
 И где сгущалось время оно,
 А слово тихое «погром»
 С утра сочилось по дворам...

В блокадном сером Ленинграде
 Просили Бога — Бога ради
 Спасти и как-то прокормить,
 А дед не уставал корпеть
 Над обезумевшей буржуйкой.
 Там вареве дышало жутко:
 Вздыхал и прел сапожный клей,
 Похлёбка, лучшая на свете,
 И для семьи, и для друзей,
 И, понемногу, — для соседей...

В седых Синявинских болотах
 Почти пропавшая пехота
 Шла на прорыв, как на парад, —
 Остатки неподсудной роты.
 И кто-то вышел, говорят.
 Отец со снайперской винтовкой...
 Как выжил он, не знаю толком.
 Хрипел потом, во сне крича, —
 Еврей, похожий на грача.
 А Ладога жила упрямо.
 Мою едва живую маму
 Полуторка везла с трудом,
 Уже по кузов подо льдом...

А я иду в привычном ритме,
 Собака обновляет след.
 Кого теперь благодарить мне
 За то, что вижу этот свет!..

САМОЛЁТЫ

Осенний сад в предчувствии
 мороза,
 Слетают с веток сны и самолёты,

Идёт сосед, до ужаса тверёзый,
 Весь в телогрееке и зелёных
 ботах,
 В руке бутылку мутного несёт.
 Мои ворота он зовёт вратами,
 Он — философ,
 с таким вот удареньем,
 Он знает, что Земля

полна врагами,
 Но любит поило
 заедать вареньем,
 Мне оставляя пряный
 тёмный мёд.

А самолёты, жёлтые как листья,
 Спешат, озорничают не по-детски,
 Пути их мглисты,
 и хвосты их лисьи,
 И не успеешь охнуть
 и взглядеться,
 Как сгинут в лужах,
 в сырости и тьме.

Сосед нальёт:
 «Давай помянем, что ли,
 Короткое, но яблочное лето...»
 Я задохнусь от боли, и в неволе,
 Пробитое стрелой самолёта,
 Споткнётся сердце,
 неподвластно мне.

***

Пространство неспешного сада
 Светло и беспечно,
 В саду этом думать не надо
 О грешном и вечном.
 А нужно любовно касаться
 Деревьев и речи,
 И может на миг показаться,
 Что мир безупречен.
 Как будто бы вспомнило тело
 О детском и важном,
 Как будто бы жизнь пролетела
 Легко и отважно.

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ

Сбежать бы туда,
где снег опаловый,
Где сосны такого роста,
что голову держи,
Там станция есть,
Ерофей Павлович,
Высокое небо, низкие этажи.
Мимо, мимо, на Амур везли меня,
А потом — обратно,
хорошо, что головой вперёд.
Три дня здесь стояли —
забита линия,
И любопытствовал местный
народ:
Что за вагон, гудящий стенами,
И, хотя нам не велели
высовываться из окон,
Понесли пирожки — корзинами,
молоко — бидонами,
А то и самогон,
замаскированный рюкзаком.
Санитарка Полинька,
с округлой речью,
С маленькой намозоленной
рукой,
Говорила мне:
«Пей молоко, еврейчик,
Поправляйся, а то ведь совсем
никакой...»
А я мычал, не справляясь
со словом,
Я нащупывал его онемевшим
языком,
Я хотел ей сказать много такого,
С чем ещё и не был толком
знаком.

В мешковатом халате
тоненькая фигурка...
Вот и дёрнулся поезд, и все дела.
Под мостом бормотала блатная
река Урка,
Что-то по фене, молилась
или кляла.

ТОЧУ НОЖИ!

Страшноватый, кривоватый,
он ходил: «Точу ножи!»
Голос тихий, как из ваты,
как из каменной души.
Мы дразнили инвалида,
рожи корчили вдали,
И швырял он, злясь для вида,
мёрзлые комки земли.
Шляпу надевал из фетра,
улыбался криво нам,
Молча раздавал конфеты
осторожным пацанам.
А под вечер, водки выпив,
не сдержав тяжёлый вздох,
Он кричал болотной выпью:
«Швайне, ахтунг, хендехох!»
Бормотал, дурной и жалкий,
про войну, про спецотдел,
Как боялся, как сражался,
как десятку отсидел.
С воем задира штанину
и совал протез в глаза,
И стекала по щетине
бесплезная слеза.

...Утро стыло в переулке
и не видело ни зги.
За окном, в пространстве гулком,
слышались его шаги.
Между нами тьма такая...
Через время, через жизнь
Слышу голос полиция:
«Подходи, точу ножи!»

***

Моя родня лежит во рву
Под городом Лубны.
Бывает, я во сне реву —
Последыш той войны.

Там по ночам горит земля,
Не забывая зла.

Моя еврейская семья
Бурьяном проросла.

Под ними горя три версты,
Над ними свет ничей...
И не приносят им цветы
Потомки палачей.

ПЛАЦКАРТНОЕ

Единственный из проклятого
рода,
Плевал в колодец,
и не дул на воду,
И никому не верил на Земле.
Он заплатил за бату-полицая...
Не разглядел тогда его лица я
В плацкартной ненасытной
полумгле.

Он говорил, не мог остановиться,
И бился голос как
слепая птица —
Казалось, что расколется окно.
Он говорил о лагере, о воле,
И я, пацан, объелся этой боли
И словно бы ударился о дно.

Цедил слова он,
бил лещом по краю
Нечистого стола. И, обмирая,
Смотрела злая тётка на него.
Он пиво пил,
и нервно цыкал зубом,

И тётке говорил: «Моя голуба...
Не бойся, я разбойник, а не вор!»

Он растворился в городке
таёжном,
И все зашевелились осторожно,
Шарахаясь от встречного гудка.
И пили водку,
хлеб кромсая ломкий,
И только мама плакала негромко,
И говорила: «Жалко мужика...»

ЯБЛОНЯ

В безумном мире есть одна
забота:
Болеет яблоня и стонет
при ветрах.
Кору теряет. Стынет у забора,
Но яблоки лелеет на ветвях.

Перезимует? Ствол измазан
глиной,
Ломает ветки непосильный груз,
Зима пребудет яростной
и длинной,
И потому тревожна эта грусть.

Грибов и яблок —
столько не бывает!
Старухи каркают о бедах
и войне...
Но яблоня моя стоит живая,
Дай Бог, она проснётся по весне.

